

УДК 130.058

А. П. Цветков

РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ КАК МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ТИП

На основании философской, исторической и культурологической реконструкции феномена российской интеллигенции в статье определены основные признаки российского интеллигента как особого, метафизического типа.

Ключевые слова: интеллигенция, мещанство или филистерство, онтология, метафизика.

«...Я не берусь решить, что такое русская интеллигенция, чудо ли она или чудовище, - я только знаю, что это, в самом деле, нечто единственное в современной европейской культуре».

Д. Мережковский

В данном случае нам кажется интересным описать феномен русского интеллигента как носителя некоторых общих структурных качеств или характеристик, присущих ему, идет ли речь о митрополите Илларионе, русских монахах, исихастах, или о нашем современнике. Русская интеллигенция вообще – без различия ее во времени (Илларион, Петр, Федоров, Ленин,) и пространстве (Киев, Москва, Петербург, Россия, русское зарубежье, СССР) создает целостный метафизический пейзаж – пестрый и живописный – который начертан и скреплен аксиологическими универсалиями должного. Однако вначале о понятии и самом феномене.

Давно возникшее на Западе понятие «интеллигенция» в современных западных странах, как правило, не употребляется, там популярен термин «интеллектуалы» (intellectuals), которым обозначают людей, профессионально занимающихся интеллектуальной (умственной) деятельностью и не претендующих при этом на роль носителей «высших идеалов» или на особую культурную миссию. С этой точки зрения понятия интеллигента и интеллектуала соотносятся как частное и общее.

Считается, что понятие интеллигенции было введено в русский язык П.Д. Боборыкиным, известным беллетристом 19-го века. По его мнению, интеллигенция в России - это чисто русский морально-этический феномен. К интеллигенции в этом значении он относил людей разных профессиональных групп, принадлежащих к разным политическим движениям, но имеющих общую духовно-нравственную основу. Вопреки тому, что мода на эрудицию и энциклопедичность знаний (можно говорить о «русских парсифалях», жаждущих открыть все тайны Грааля) была весьма характерной чертой русской интеллигенции, основная сила ее заключалась - не в интеллекте, не в уме, а в сердце и совести.

Постепенно в русской культуре понятие интеллигенции приобретает черты социального мессианства и жертвенности. В этом смысле русского интеллигента можно представить как человека, который не только живет собственным умом (а значит, является интеллектуалом), но и как свою собственную переживает боль чужую (а значит, испытывает муки совести). Это боль и за судьбу Отечества (гражданская ответственность), и за состояние общественной морали (этико-правовая ответственность), и за «униженных и оскорбленных» (нравственная ответственность). Именно с этим особым смыслом слово «интеллигенция» вернулось затем обратно на Запад, где стало считаться специфически русским (*intelligentsia*).

Истоки формирования русской интеллигенции, как особого социального слоя, восходят к Петру. В соответствии с остроумным и точным замечанием русского философа Г. Федотова, Петр Первый оставил после себя три линии преемников: 1) проходимцев и беспринципных авантюристов, типа Меншикова и Орловых, на целые десятилетия заполнивших авансцену русской жизни; 2) государственных мужей, строителей империи, типа Ордин-Нащекина, Татищева, Суворова, Сперанского, и 3) просветителей-западников от Ломоносова до Пушкина. К этому следует добавить и четвертый тип интеллигенции - диссидентов и тираноборцев, берущих начало от Новикова и Радищева и прокладывающих дорогу декабристам и Герцену, и далее. На пересечении этих линий и формировалась русская интеллигенция, ставшая «единственным и неповторимым явлением истории» [1, С. 404].

По мнению Д.С.Лихачева, «первыми типично русскими интеллигентами» были, дворяне-вольнодумцы конца 18 века, такие как Радищев и Новиков. Но уже в 19 веке основную массу этой социальной группы стали составлять выходцы уже из недворянских слоев общества («разночинцы»), многие из которых предпочли, по Бердяеву, «интеллигентскую правду» «философской истине» и при этом отличились своеобразным «героизмом и подвижничеством» (С. Булгаков).

Рецепция социализма в России придала русской интеллигенции лево-радикальный характер – «народническое» поклонение крестьянству было вскоре заменено поклонением пролетариату. Как позже отмечал С. Л. Франк, в этом отношении русский интеллигент придерживался двойного морального стандарта: по отношению к «народу» он проповедовал идеал «материального довольства и благоденствия», а по отношению к себе самому (подчеркнем, до тех пор, пока народ не освобожден) - нравственный идеализм, аскетизм и жертвенность. Конечно, интеллигент утверждал, что накормить голодного и одеть раздетого нужно не только ради осуществления социальной справедливости и уважения к человеческому достоинству, но и для того, чтобы каждый человек, удовлетворив свои насущные потребности, приобщился к науке, искусству, культуре, развил свои способности, раскрыл свою творческую личность. Вопрос же о том, захочет ли человек, обретший стол и кров, делать усилие, чтобы двигаться по пути умственного и морального «самосовершенствования», не ставился. Идеальное общество будущего должно устроиться само собой.

Известная враждебность интеллигенции по отношению к православию, к вере и церкви объяснялась страстной догматизацией заимствованных идей европейского

Просвещения в его «левом», антиклерикальном течении. «Идейность, – пишет Г. П. Федотов, – есть особый вид рационализма, этически окрашенный. В идее сливается правда-истина и правда-справедливость (знаменитое определение Михайловского). Последняя является теоретически производной, но жизненно, несомненно, первенствующей. Этот рационализм весьма далек от подлинно философской *ratio*. К чистому познанию он предъявляет поистине минимальные требования. Чаще всего он берет готовую систему «истин» и на ней строит идеал личного и общественного (политического) поведения. Если идейность замещает религию, то она берет от нее лишь догмат и святость: догмат, понимаемый рационалистически, святость – этически, с изгнанием всех иррациональных, мистических или жизненных основ религии» [2, С. 70.].

Естественным следствием такой «идейности» интеллигенции было ее отталкивание от «мещанства»: русский интеллигент, к какому бы ее «толку» он не принадлежал, осознавал себя «другом народа» и врагом мещанства в том специфическом значении этого слова, которое придал ему Герцен, сделав его широко употребляемым. В этой интенции левый русский интеллигент сближается с почвенниками и поздними славянофилами. Здесь Белинский оказывается заодно с Хомяковым и Киреевским, а реакционер Константин Леонтьев вполне лоялен к демократу и социалисту Александру Герцену. Именно в среде русской интеллигенции сформировалось и закрепилось отрицательное значение слова «мещанин»: им стали определять людей «с мелкими, сугубо личными интересами, с узким кругозором и неразвитыми вкусами», тех, кто «безразличен к интересам общества». Это значение слова «мещанство» существенно отличается от первоначального его значения: «мещанин» (от «место», «местечко») – это городской житель, домовладелец (ремесленник, лавочник и т. д.). Подобно понятию «интеллигент», «интеллигентность», понятие «мещанство» получило в русской критике XIX века широкую этическую коннотацию: мещанином в этом позднейшем значении мог оказаться и дворянин-помещик, и писатель, и студент, и офицер, и чиновник, и т. д.

Если внешний враг русского интеллигента – абсолютизм, деспотизм, самодержавие, политическая и социальная несправедливость, сословные и классовые привилегии, темнота и забитость народных масс, то ее главный внутренний враг – это мещанство [3]. Мещанство воспринимается как абсолютный антипод интеллигенции. Отталкиваясь от герценовской оценки мещанства, известный интеллектуал Иванов-Разумник, например, определяет его как ноуменально-этическую категорию, характеризующую все классы, все слои общества, а именно – их инерционно-консервативный момент. Мещанство есть синоним застоя, самодовольства, пошлости. Воплощением и оплотом мещанства является государство. В нем сосредоточена власть над людьми, бесчеловечность, жестокость, лицемерие, холопство, направленные против народа [4]. В то время как интеллигенция – это не просто (и даже не обязательно) образованная часть общества: в первую очередь это – критически мыслящая его часть, противостоящая по направленности своих мыслей и действий мещанству.

После выхода сборника «Вехи» (1909), интеллигенция стала определяться в первую очередь через противопоставление официальной государственной власти.

Благодаря этому получила дальнейшее развитие возникшая еще в 50-е годы 19 века парадигма - «интеллигенция-власть-народ», фиксирующая идею субъекта истории, взятого в трех его ипостасях.

«Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции», авторами которого были Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б.Струве, С.Л.Франк, впервые в русской мысли четко и глубоко поставили проблемы исторической необходимости и личной свободы, насилия в общественной жизни, взаимоотношения независимой личности и общества, проблемы религиозных основ культуры. (Следует указать на необыкновенную популярность сборника. За период меньше года вышло пять изданий «Вех»; за первые полгода после выхода первого издания на сборник отреагировало 70 газет и журналов, всего же за 1909- 1910 г. было более 200 откликов.)

Авторы «Вех» были единодушны в той христианской истине, что духовная жизнь человека определяет социальные и политические формы общества, а не наоборот. Культура понимается ими как творческая реализация духовных ценностей, а духовное творчество - как полнота человеческой свободы.

Вместе с тем, веховцы осуществили критический анализ мировоззрения и психологического склада революционной интеллигенции. Общественное положение «между молотом и наковальней», с одной стороны, и «народолюбие», с другой, объясняют сложную психологию русского интеллигента (или шире - интеллектуала), оказавшегося в ситуации отчуждения от собственного народа, в состоянии изгоя в своей родной стране. Оторванность от основной социальной структуры пробуждала в душе русского образованного человека ощущение пустоты и духовной бездны или экзистенциального вакуума (в терминологии В. Франкла). На этой основе формируются различные психологические комплексы: социальной вины перед народом, зависть или ненависть к Западу, мессианская жажда жертвы за счастье народа (не поддающиеся рациональному объяснению), а также страстные нравственные и духовные искания, запечатлевшиеся в великой русской литературе и публицистике XIX века. «Мы ищем абсолютных заповедей и принципов, - подчеркивает П.И.Новгородцев, - в этом именно и состоит сущность нравственных исканий» [5,С.18].

Веховцы положили начало методологическому принципу – рассматривать историю общественной мысли как историю собственно интеллигенции – принципу, к которому обращались многие, от Бердяева до Солженицына.

К сожалению, многие привлекательные черты русской интеллигенции утрачивались по мере того, как суровая действительность заставляла русского интеллигента определять свою мировоззренческую позицию. Как показала новейшая история, идеалы абстрактного гуманизма легко сочетались с жестокими антигуманными акциями, особенно если они были направлены против чуждых интеллигенции сословий. Проявление положительных качеств интеллигенции часто зависело от диктата догматической установки и, в результате, могло оборачиваться и оборачивалось во зло.

Понятно, что не бывает великой нации без собственной Метафизики, без самосознания, без героической попытки самопостижения Духа. Особенность метафизики русского интеллигента в отличие от западного, заключается, во-

первых, в том, что она *par excellence* онтологична – ее центральной онтологемой является монолог. Характерное для Бахтина стремление толковать диалог именно в онтологическом ключе несет на себе явную печать западной рационалистически-прагматического теоретизирования, которое как раз элиминирует саму аксиологическую суть мировоззрения. В этой ситуации диалог не может рассматриваться русским интеллигентом как нормативно-ценностный образец должного и желаемого, более того, интуитивно он представляется ему несовместимым с высшими смыслами бытия, а значит, не является онтологемой.

Как метафизический тип русский интеллигент, во-вторых, исповедует особую онтологию, в которой сущему (в настоящем времени) противопоставляется - должное (в будущем времени) как несравнимо более ценное и желанное, можно даже сказать, вожделенное, во имя которого он готов жертвовать настоящим. Странно, например, то, что, будучи несомненным патриотом, русский интеллигент любил Родину не ту, которая есть, а ту, которая будет или должна быть. Петр Великий, страстно любивший Россию будущую, ради которой он совершил немало преступлений против России традиционной, в данном случае должен быть оценен и как великий русский интеллигент. Такого рода примеров в истории России, увы, предостаточно.

Именно в силу такого рода патриотизма онтология русского интеллигента, в-третьих, глубоко профетична, пронизана пророческими, духовидческими интенциями – достаточно вспомнить благостные утопические пророчества Герцена о России 1948-го года или Гоголя («Русь-тройка»), а также тревожные, пугающие антиутопические пророчества Достоевского («Бесы», «Братья Карамазовы»). Впрочем, такая особенность характерна всем крупным представителям русской мысли от Илариона и Филофея («Москва – третий Рим») до Ленина. И не только крупным. Можно утверждать, что русский интеллигент (интеллектуал), живя более в профетически организованном, по существу словесном, литературном, нежели в реальном мире, на протяжении многих столетий суггестивным образом культивировал такую онтологию, внедряя ее в самосознание нации.

В-четвертых, метафизике русского интеллигента фундаментально присуща «вселенскость», «всемирность» интересов и целей, которые могут быть осуществлены посредством некоего «общего дела», требующих по существу, сакрального, молитвенного приложения духовных усилий и физического труда не только отдельных подвижников, но и всего человечества - и для всего человечества. (Имея в виду влияние христианства на соотношение материального и духовного труда, отметим, что в православии формула этого соотношения выглядит так: молиться и трудиться; в католичестве: молиться - значит трудиться; в протестантизме: трудиться - значит молиться.)

Согласно Н.Федорову, автору известного сочинения под названием «Общее дело», трудиться необходимо усиленно и упорно, но не во имя индивидуального (как на Западе) благополучия, а во имя «общего дела» спасения всего человечества через воскрешение предков! Такая «странная» идея - общее дело воскрешения всех умерших ценой отказа от второстепенных и кратковременных потребностей плоти - вряд ли могла придти в голову западному интеллигенту. Русский интеллигент, наконец, на протяжении долгого времени всерьез осуществлял всемирность своей

метафизики во «всемирной революции», долженствовавшей освободить все человечество от социального гнета и несправедливости.

В-пятых, русский интеллигент как метафизический тип существенно интуитивен. Не случайно многие из ее сугубо мировоззренческих идей высказывались в форме интуитивных прозрений в художественных произведениях (Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тютчев, Толстой, Достоевский), в журнальной публицистике (статьи Белинского в «Современнике», Киреевского в «Европейце», К.Аксакова в «Москвитянине», Герцена в «Полярной звезде» и «Колоколе», Михайловского в «Русском богатстве», Бердяева в «Пути» и др.), в эпистолярных текстах, имевших заведомо публичный характер (письма «С того берега», «Концы и начала», «К старому товарищу» Герцена, не говоря уже о его «Былом и думах», «Исторические письма» Лаврова, «Письма с Востока» Леонтьева и т.д.). Тем более, разумеется, не лишены глубоких интуиций сочинения Владимира Соловьева и других представителей русской классической философии. Только их перечень может занять солидный том.

В-шестых, метафизика русского интеллигента имеет явно выраженную форму исповедальности. Тема исповеди в отечественном духовном опыте является одним из самых важных способов метафизической рефлексии. В ее эволюции на русской почве четко прослеживается необходимость ответа на самые важные жизненные вопросы и, прежде всего – на вопрос о смысле жизни. Наряду с традиционной, православной, традицией исповедальности, существует целая «типология» исповеди в творчестве крупнейших писателей XIX-XX вв. (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, А. Блок, А. Белый, Н.А. Бердяев и др.). Часто исповедальное слово русского интеллигента приобретает синтетическую форму взаимосвязи опыта повседневности и опытом метафизическим, религиозным (Н.В. Гоголь, М.А. Бакунин, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, Л.И. Шестов, В.В. Розанов и др.). Кроме того, исповедальность русского интеллигента часто автобиографична и даже автопортретна.

Наконец, в-седьмых, русский интеллигент как метафизический тип склонен к «самоедскому» покаянию, к благородному принятию на себя вины за все беды своего народа, к готовности на жертвы, мученичество и подвижничество. В свое время даже возник специфический тип русской интеллигенции – так называемые «кающиеся дворяне».

Правда, обратной стороной этой склонности к покаянию стала искренняя вера в то, что именно интеллигенция, выполняя свою миссионерскую и мессианскую роль, спасет Россию. Что ж, вполне может быть.

Что делать? Прежде всего, интеллигенции следует осознать свою историю и свою роль в истории Отечества. В новых исторических условиях понять, что историческая драма русской интеллигенции не закончилась с Октябрьской революцией 1917 года. По мнению итальянского слависта Витторио Страды, «последний акт этой драмы длился почти все наше столетие, занавес опустился совсем недавно и снова поднялся уже при других декорациях, в которых запечатлен дух конца века и, как принято говорить, постмодернизма» [6]. Это был долгий, насыщенный драматическими, и даже трагическими событиями акт, отразивший не только блеск и величие русской интеллигенции, но и ее нищету (и нищета здесь, к сожалению, преобладала).

Проведенная реконструкция понятия и феномена русской интеллигенции позволяет выделить некоторые основные черты, общие для русского интеллигента любого типа: материалиста и идеалиста, атеиста и верующего, левого и правого, древнего и нынешнего и т.д.

Предстоит разрешить проблему меры своей ответственности за социальное сращивание репрессивными мерами и идеологиями, преследовавшими и душившими свободу; проблему тех идей и ценностей, которыми следует руководствоваться в переходный период; проблему оценки целой современной эпохи, начавшейся грандиозными проектами и в итоге оказавшейся в точке самокритичной неуверенности; наконец, проблему отношений власти и культуры.

При этом совершенно ясно, что фигура русского интеллигента как метафизического типа сыграет не последнюю роль. Поскольку только ему одному ведомо, в какую сторону направить поиск тех абсолютных и непреложных смыслов, без которых страна превращается в территорию, народ - в население, а государственная власть - в колониальную администрацию.

Список литературы

1. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции //О России и русской философской культуре. М., 1990.
2. Федотов Г. П. Судьба и грехи России //Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т., СПб. : София, 1991. Т. 1.
3. См. о термине: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка // Большая электронная энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2003
4. См.: Иванов-Разумник. История русской общественной мысли //Соч.: В 2 т. СПб., 1906.
5. Новгородцев П.И. Предисловие// Проблемы идеализма. М., 1902.
6. Витторио Страда (Венеция). Интеллигенция как зеркало европейской революции. — “Русская мысль”. Еженедельник. Париж, 1997, № 4189, 18 — 24 сентября.

Тsvetkov O.P. Російський інтелегент як метафізичний тип

На підставі філософської, історичної та культурологічної реконструкції феномену російської інтелігенції в статті визначені основні ознаки російського інтелегента як особливого, метафізичного за суттю, типу.

Ключові слова: інтелігенція, міщанство або філістерство, онтологія, метафізика.

Tsvetkov A. The Russian intellectual as metaphysical type

On the basis of philosophical, historical and cultural reconstruction of the phenomenon of Russian intelligentsia in the articles certain basic signs of the Russian intellectual as special, metaphysical in fact, type.

Keywords: intelligentsia, low middle class or Philistine, ontology, metaphysics.

Поступило в редакцию 26.05.2008